

Изяслав Винтерман

ТАМ В СЕРДЦЕВИНЕ

«Евдокия»
Екатеринбург
2016

TAMVSERDCEVINE

by Izyaslav Winterman

Copyrights © 2016 by Izyaslav Winterman

All rights reserved.

No part of this book may be reproduced in any form or by any means, including information storage and retrieval systems, without permission in writing from the Publisher and/or the Author, except by a reviewer who may quote brief passages in a review.

© Izyaslav Winterman, text

© Vasiliy Borodin, illustrations

© Evdokia Slepukhina, book design

ISBN 978-1-329-90960-1

Printed in the United States of America

Eudokiya Publishing House

eudokiya@gmail.com

Изяслав Винтерман

ТАМ В СЕРДЦЕ ВИНЕ

Свет
грожащий

Там в сердцеvineудождастеклоанежелезо
какие каплиждупросыпятсянаголовую
Погрудьвземлюзахожуаглубженеполезу
Ловяпотонкомустеклускользющуюструю
Сольемсямы нарадугуразложенывсоитье
Какие в ней цвета твои мои не среди них
Мыненасытнытияктобольшененасытен
Иветержаднорветпакеткрупинокледяных

На том берегу и не знают о нас,
что знали на этом.
Записку вложили, назначили час
прийти за ответом.

Гармошкой записка – слова не гадай –
затерты на сгибе...
К тебе подойдут, на словах передай,
что смерть, а не гибель.

Не смысл им важен, всё знают и так,
пойми – ты им нужен:
еще одна нота в еще один такт
и – музыка – ну же!..

Ты по крупицам мне даришь ласку.
Не отдаешь земле –
луч, обрывающийся, как леска,
где-то уже во мне.

Я бы хотел: не в любовь, так – в воду,
если душа слаба.
Светом рассеянным жадно воздух
просто втянуть в себя.

Можно представить другую муку –
снежный полет крупиц
к свету. Пусть дарят они кому-то
радость, и снег скрипит.

Любовь всё делает прозрачным.
Неудержимую слезой –
день – просыпается двузначным
числом испуганной зимой.

Полет ресниц щекочет щеку
и ухо делает тугим.
И по неведомому счету –
мы счастливы совсем другим.

И даже тем, что время глупо
способно кончиться для нас.
А может, и оно иглу под
сердцами терпит всякий раз.

Не шевелись, замри навечно,
мгновенье, лучшее из всех.
И по невидимой нам встречной
летит, светясь, прозрачный снег.

Опять мне холодно и ясно.
Но ясность – враг номер один –
на дне сознания не даст нам
соединить огонь и дым.

Ты не запомнишь свет из окон,
как снег, сочащийся на пол.
И не заполнишь третьим оком
пустот, которые нашел.

Снег набивает светом ясли
и заклепывает в сердце щель.
Опять мне холодно и ясно.
Слова качнули колыбель.

Фью-ю-у – сдуваешь снег осевший
с вещей, со времени, с людей.
И он летит повеселевший,
но завтра будет холодней.

Я был снегом, хотел – быть хрустальным
светом с твоей высоты
проникающим в сердце, почти нереальным
ощущением, что это ты –

ты любовь! С этой смертью непреходящей,
с жизнью в снег, в снегопад.
Я был светом, следящим за жизнью летящей –
чуть вперед, чуть назад.

Ветер бросается на окно, весь сотрясая дом.
Ужас выдавливая из нот, радующих потом.
Только что возненавидя свет и отключая слух –
ветер отыгран сто раз, спет, и наизнанку – сух.

Кто же увидел в нем дождь, снег, новых уродств боль.
Ветер бросается зол, слеп – вырвавшийся кобóльд.
Он обойдется без слов, ласк, день оборвав, связь.
Сколько бы ветром ты ни клялась, он в нашем окне увяз.

Дождь меряет температуру
осевшим башням и мостам.
Живую с мертвою натуру
разводит по своим местам.

И мы схватились бы за воду,
не будь небес, не будь земли.
Назло короткому заводу
и дождь идет, и мы бы шли

спасением от лихорадки,
горячки и разбитых снов.
От лба отскакивают прядки
и тело прочь из берегов.

Нам рано расставаться снова
и больно продолжать вдвоем.
Но никому, поверь на слóво,
мы больше не нужны живьем.

С балкона свешиваясь, с перил –
ты упадешь! Такая нация
падучая – летит авиация –
я бы и сам воспарил.

Но тут (на тебе) – строго вниз.
Точка джи или g притяжения –
ни ограждения, ни отражения –
между землей и небом – дефис.

Точки – в тире – в строгую линию,
уходящую на глубину
метра-полутора в землю. И ну –
сожаления сыпать запекшейся глиною.

У меня есть свой сугроб – намело
снега с четырех углов до небес.
Оседлаю белый горб. На метро –
не быстрее, только вспомни – я здесь! –

И такой, как ты хотела вчера.
Не почти, а именно что такой.
Успокой меня: что снега черта –
осевая между мной и тобой.

Злобствует снег
или радостно так похрустывают
пальцев костяшки, осколки стеклянных шаров?
Белые мошки покусывают –
с улиц слетевшись на зимний покров.

Ни огня, ни дыма.
Время – морозящим выдохом.
Умерло всё внутри, охладев к глубине.
Дальше – новые зимы с праздничным выходом.
Дальше – только большее мне.

Между снегом и солнцем – моргнешь раза два,
даже не успевая очнуться.
Притворишься нормальным. В канун Рождества –
дарят добрые мысли и чувства...

Только это навряд ли, я вылеплен весь
едкой жизнью, погодой колючей,
раздражением времени, сыпью небес
и, конечно, страной самой лучшей...

Возбуждаешься: «Где сапоги и топор?..»
Струны волн кровавых натянулись.
Выгорают слова из желёз и из пор
лихорадкою спутанных улиц.

Остаются во мне те, кого я люблю –
кто заведомо неблагодарны.
Между снегом, сдающим кровь солнцу, ловлю
луч обратный – волною ударной.

С зимой покончил – осталось море.
Не видела ты зимой:
такие страсти в его растворе,
как будто проснулось – мной.

И выпав утром соленым светом
на острие ресниц,
дорожкой синей бежало следом,
не зная своих границ.

Смерть уже почувствовала запах,
старости увидела следы.
Только запах-
нуть пальто и спичку поднести...
Берег света, заповедь воды.

Свет дрожащий, я на полпути...
Вся игра воздушная над бездной.
Не слова по кругу водят нас,
а твои глаза – боль во плоти
слабой и небесной.

Еще не смерть касается крылом,
но ветерок ее идет от взмаха.
Врач воздух прописал – лечить надлом,
земли добавил – тонусом для праха.

Весь рацион – стремящийся к нулю –
пить хлорофилл и дождь вдыхать трехмерный.
И впитывая всё, что я люблю –
не мучиться взаимностью химерной,

не дорожить любовью – да ничьей –
судьба любила! Жаль, что так всё в óдно-
часье кончилось. Не знаю сам, на чьей
безумной стороне очнусь сегодня.

Где дождь без капель сушит мне глаза,
взвивается песок – воды родимей.
И я внутри кривого колеса
восьмерками вычерчиваю é-mail.

Человек еще хотел бы жить,
в нем поэт – подталкивает к краю.
Время тонкой ниточкой дрожит –
лесочкой натянутой играю.

Он еще узнает, как близка
смерть, на жизнь похожая игрою.
Подсмотреть, но нет в груди глазка,
кто́ там, кто́ здесь, и кому открою.

Еще одна реальность в дверь стучит,
в окно, в висок, в свернувшуюся набок
башку. И противопожарный щит –
огонь любви не сдержит – и не надо!

Я отдаюсь ей, встав, исполнив гимн,
расположив слова по нарастающую.
Свой голос тихий слышу – стал другим,
а раньше бы трубил во всё желанье...

Там, в сердцевине у дождя – стекло, а не железо.
Какие капли, жду, просыпятся на голову мою.
По грудь я в землю захожу, а глубже не полезу,
ловя по тонкому стеклу скользящую струю.

Сольемся мы – на радугу разложены в соитье.
Какие в ней цвета твои? Мои не среди них.
Мы ненасытны: ты и я! Кто больше ненасытен?..
И ветер жадно рвет пакет крупинок ледяных.

Я
Такое
Снимаю Кино

Я такое снимаю кино,
я такое играю без роли.
Смотришь: в пленке морозной окно,
дети снег жрут, бодаются тролли,
смерть сражается с тысячью «но».

Это жизнь – «на игнор», на игнор!
Оценили её, не успели?!
Эти, в норах, убили тех, с гор,
что качались на снов карусели,
сочиняли, любя, в ля минор.

Не мешай досматривать эпизод
под тяжелыми веками... – сам ты спишь.
Я сейчас целуюсь, и полон рот
счастья. И время, как тень, вперед –
вырывается из меня – и вспыш-

ка землю смешивает и небеса,
влажную глину с соломой крыш,
наши энергии и уста,
наши видения и голоса –
сам ты, не понимая, спишь –

в той части неба или земли,
в той части выброшенного из нас
города пыльного в пыльный час,
который легко просмотреть могли,
исчезни он из закрытых глаз.

Зарычит «Метро-Голдвин-Майер» –
и я падаю, как король.
Но в падении вынимаю
договор на главную роль.

Кольт мой холоден к жадным рыбам,
но сознание горячо:
скачет, прыгает (с перерывом
на подругу), – «Давай еще!...»

Пусть рычит лев и птица воет,
умирают в конце не все.
Двое нас, жаль, что только двое,
но зато уж во всей красе.

Чапай не тонул, и Анка стреляла мимо.
Ржавый «Максим», черная пантомима.
Бабочкин* – щеголь, картошкой лежит пехота,
конница – спиртом, выпить всегда охота.

Правда лежит в очистках, в золе залитой.
Только что вот горящей, уже безликой –
серой массовой. Красным бархатом лестниц –
время течет на возмужавших сверстниц,

на их, дарованных сном или небом в пару,
милых – они винтовку возьмут, гитару,
возьмут стакан, посмотрят (им хватит шарма),
глазами любовников на жену командарма.

* Борис Бабочкин – актер, исполнитель роли Чапаева.

Недрожащей рукою ощупывал тело подруги:
горячо или холодно – так и не понял, не вникнул,
страсти ток не сумел распознать в ее легком испуге,
перещелкнув три раза на «Вкл.» и три раза на «Выкл».

Старый робот (считался пропавшим под именем «Феникс»).
Возвращался по плану раз в год, оставался недолго.
Заменяв на 12-дюймовый его прежний пенис,
был отправлен в разведку с удвоенной верностью долгу.

ВНУТРЕННИЙ САМОПИСЕЦ (из отчета о задании)

Утро растянется до окончания дня.
Вот и любви не хотим, как хотели.
Титрами сыплется снег, но картинка видна.
Ждем возвращенья грачей. Это мы улетели.

Если вернуться, любовь где-то тут, где-то вот...
Снится подарок тебе в пузыре Дед мороза.
И из квартиры в квартиру – «да где он живет,
мальчик?..» – никто не получит его паровоза.

Чух-чух-чух, чух – нет, он выбрал себе самолет.
Сверху не виден маршрут: Киев-Чоп-Чаттануга.
Утро растянется до наступленья болот
темной печали на светлые сумерки юга.

В парке, в автобусе без колес
мне покажут кино – кино
на десять копеек не детских слез...
и ленинградское эскимо.

Кинозверушки, что спят во мне,
облезли по осени и зиме.
Бросили, лапы не дососав,
норы, берлоги – айда в ДОСААФ.

Или пошли в непонятный рост
мои обиды, задравши хвост.

А может, не досмотрел кино –
быстро кончилось эскимо.

Я выскочил в дверь, сиганул в окно –
автобус был уже далеко.

Па́хнет зубною пастой,
майскими и хрущами.
Смотришь на мир с опаской,
голыми взяв руками;

Смотришь на комдружины
или на предотряда:
зная речевку – живы,
выучив песню – рады.

Смена вторая, третья
смена – прикончат август.
Сбросят тысячелетье
в мусорную канаву

слишком тяжелым грузом
Рима, а позже – Крыма.
Память протяжным вкусом
в тюбиках «Поморина».

И ностальгия прахом,
возраст выходит боком.
Плохо быть патриархом,
но еще хуже – богом.

Вся стена в чешуе записок:
– «сыр купить, молоко и хлеб»,
– «корм для рыбок, песок для кисок».
Денег где-то занять, но где б...

– «не забыть погулять с собакой».
Кстати, где она, если есть.
Кто мне пишет? Читай и «дакай»,
что согласен их все прочесть.

Дух подруги мне пишет – точно!
Над записками ржет не вслух.
Он застрял здесь, в трубе проточной,
от почтовых услуг припух.

Клеит ночью листок к листочку –
однострочники – десять в ряд,
чтобы выстроить жизнь, как строчку,
и такую, чтоб я был рад.

В новой версии рая и ада
нет кипящего зеленью сада;
ни людей, ни зверей, мне знакомых,
ни застывших в смоле насекомых.
В новой версии Ада и Рая –
две подруги, но больше вторая
мне близка. Пустота, но без меры.
Мы ненужного слова химеры –

непонятных себя, незнакомых –
будто в первых рядах незаконных.
Верим и не становимся ближе
к свету, строю, гармонии иже.

Нас клянут, с новой версией споря,
оправдались их страхи так скоро.
Безнадежно, что нет и испуга.
Смерти нет в новой версии круга.

В волосах твоих ветер и капли воды –
загораются ярче без света.
Но убьют волшебство эти дети орды
и потомки ревнивого Сета.

И любви навредят, охладив нас водой.
Помешают слиянию с нами
бесконечности жизни и смерти – в одной
капле, спрятанной волосами...

Я хотел бы другую,
или это такая игра:
что люблю и ревную? –
чтобы шла к Магомету гора.

Чтоб хотелось бесстыдно,
не даваясь легко.
Гору сдвину – не видно –
ты – она? – или кто?..

Чтобы в кратере вместе,
на вершине, на дне...
Мне нужны эти время и место,
эта ночь, раскаленная в дне,

чтоб одна далеко улетела,
а другая звалá.
Я б до боли хотел ее тела.
Тело – снег и зола.

Другая б уже надоела,
в два дня – полетела б в костер.
А я вспоминал ее тело,
но позже из памяти стер.

Не жалко – забудь ее выкрик.
Не надо – «за что это мне?».
У мистера Икс миссис Игрек –
горящая с ним наравне.

И в каплях сверкающих пота –
сто тысяч зажегшихся глаз.
Животных, людей или прото-
богов, походивших на нас.

Их слов ненасытная ярость
сильнее любого огня.
И если б со мною осталась –
горела бы ярче меня.

Творец любого бы принес в жертву, чтобы выжить и
продолжить творить, ибо только творец бессмертен.

Девушка легкая тугая –
посередине ремешок.
Как часики идет, моргая –
чок-
чок.

Всех смуглокожая царица
оценит с ног до головы.
Часы задержаются нервно –
люб-
ви.

...Кто растегнет ремень, от платья
освободит, кто ближе ей –
лови-лови ее в объятья
и не-
жа-
лей.

*«Жизнь, обретшую форму тебя –
исчезающей, радостной муки...»*

А я всю ночь тебя любил –
во сне. И ты мне отвечала.
А ветер бабочек ловил
от почты до ж/д вокзала.

Ты исчезала где-то в пять.
Я просыпался слишком поздно,
чтобы любить и вспоминать
как целовались, прыгнув в поезд.

Никто нас в руки не возьмет –
мы сами. Бабочка присохла
к стеклу. Прося воздушный мед,
не бейся крылышками в стекла, –

не дай бог! – бог услышит, черт
в обличье противоположном.
И – даст бог! И судьба – не в счет –
пойдет в порядке невозможном –

назад! – Всё выстроив для нас,
да так, что жить уже не надо.
...От почты до Казатин-пасс,
целуясь, съели пуд помады.

Зима. И заниматься сексом холодно!
А кто кричал: полцарства за меня!
Конечно ты, а нынче стало хлопотно,
и мне предпочитаешь не меня.

От батарей – нет удовлетворения,
в них звук утробы, полной до краев.
И секса нет – как дня Благодарения.
И, загнанная в круг, густеет кровь.

Сквозь окрики: движение не задерживай! –
уже и ветра различаю кикс.
И белый снег: то кремовый, то бежевый –
его огнем подсвечивает Стикс.

От дождя расширены зрачки.
Горизонт расширен до предела.
И вползают ночи-червячки –
темнота ничуть не поредела.

И печаль – ни капли не светла.
Каждый знает лучше нас с тобою:
для того нас жизнь с ума свела,
чтобы пролететь над мостовую.

Не надо нас пугать и нами...
Да, мы такие: взглядом жжем.
Ночь прогорит насквозь огнями,
и в черном ящике прием:

«пи-пи, ту-ту...», «орел, я сокол...»
Шлет поцелуй радистка Кэт.
И от трамвая – звоном стекол
расходится ее привет.

А мы не страшные, не злые.
Из ночи выпав или дня,
пьем за любимые, бывшие... –
им верность за любовь храня.

Луну схватить за кончик языка –
остановить невнятицу ночную,
в которой ты казалась мне близка.
Когда же понимать ее начну я?..

Как ты можешь не чувствовать ран,
стать свободным от боли.
На окраинах чувств или стран
оставаясь случайным, не боле.

Застывая, не выбежав в круг...
Как платан, сборник пыли,
ждет зимы, а здесь юг –
и уже не уверены – ты ли?

В точке нашей с тобою одной,
где, возможно, мы были,
и любовь, точно мост разводной,
развели – и забыли.

Я хочу самых горячих точек в тебе коснуться.
Ты не боишься снов. И ничего не боишься, но...
Ни стыда ни совести, только бьются
два сердца твои между рук и ног.

Деревья тянут руки-ветки
и страсти ищут в полутьме.
Так имитатор без разведки
не знает, что искать во мне.

А телу ласки и не надо.
Когда иссяк его запас –
энергия полураспада
исходит вспышками из глаз...

Она готова слиться в боли,
всё к бесконечности сведя,
в кровавом или в чистом поле
недосягаемо света.

«А мы ходили там, гуляли
и дергались на сквозняке.
Взлетали трижды, дважды пали,
не находя себя нигде...»

*«Фонарики в серых шинелях,
в шапочках наискось...»*

С.М.

Светятся в небе герои –
там их последний окоп,
соединения роют.

Предотвращая потоп –
полами виснут шинели,
непроходимым дождем.

В воздухе хмели-сунели
в нос менят бьют штык-ножом.

Роят фонарики в сером,
в касках, закрывших лицо.

Тени гуляют по сферам –
ищут, кому письмо
от голоножки из сена,
в небо проделавшей лаз.

Небо с землею по сменам
время скрывают от нас.

Я прячусь от погоды и вины,
от старости и страха,
невидимой свиньи,
визжащей лучше тенора кастрата.

Щетинятся осколками воды
все кучевые с перистыми в парах.
И оставляет луч на них следы,
прикончив тени в рваных шароварах.

С четырьмя пальцами вместо пяти...

Загибает их, как ломает спички:

кому за водкой идти, кому – до слепоты...

вспышки жизни глазами птички,

напуганной звуком, скрежетом шестерни,

без правил т/б* на закрытых объектах.

И четырехпалые пятерни:

одна – рассекает воздух – листья трясутся на ветках,

другая – в кармане брюк

крутит замысловатый кукиш

в ожиданьи, когда из похода Мальбрук

вернется... – за деньги такое не купишь.

–

Осень. Мой друг, ты весь помещаешься в кулачок

женщины, время сжимающей способом разным.

Не будем о грустном, но время стучит в мозжечок

то клювом железным, то пальцем кривым с ногтем грязным.

И пофиг ему опоздание, время в пути.

И люди ему безразличны: смотри хоть насквозь – что за люди?

И с сердцем холодным на пальцах считай до пяти

на правой. Не хватит – на левой считай: любит, не любит...

* т/б – техника безопасности

Свинья желудка – «жрать!» – верещит.
Петух головы не дает спать.
Лисица сердца брешет на щит.
Душа утекает вспять.

Змея сознания ловит хвост,
радуясь времени на крюке.
Ты не горишь во мне. Боли мост –
сводит ноги реке.

Высок твой лоб и круто богом слеплен.
Вскарабкаться, поставить свой флажок:
Не забирался Вася – адский слепень,
и Фима нет – хотя глаголом жег.

Отвесный лоб, не роща с озерцами...
За что люблю я всех, но не тебя –
за жизнь короткую – где Вася шел за нами,
а Фима нет – капризное теля.

Я гном, с фонариком – под юбку –
и объявляю перемирие.
Я выиграл войну, голубка,
и нас с тобой реанимирую.

Под юбкой кто ведет достойно
и прерывает наслаждение? –
и доказательства нестройны,
и всё вокруг предубеждение.

Ищу в окаменевшей толще
все души, что по страсти схожи.
А я свечусь намного больше,
когда подкатывают слезы.

Еще дымится ночь клочками,
сожженная, но день снаружи.
Мы выползаем светлячками –
фонарик страшное оружие.

Если идти вдоль берега по течению реки,
вниз по своей истории до лубяной избы –
вылезут ясноголовые, ясноглазые муравьи,
чудовища несусветные сглаза и ворожбы.

В землю они спускаются, выходя из реки.
И перед кем ответ они держат и держат ли.
Сами мы здесь пробегом, лица хотя б сравни –
с берегом и течением – не местные жители.

И день не мой, и ночь не моя,
и сна ни в одном глазу –
в теплые он убежал края,
а я в ледяном лесу.

И колют иглы в лицо, в живот
и в бок, когда на боку –
сквозь толщу лет и наплывших вод –
куда я от них сбегу.

Как лес дремучий, моя постель,
я – ветер, простертый в ней,
и солнца нет, и луны постель
делает мертвенней.

Я утомился косой луной,
поиском сна во сне,
и реальностью ледяной,
и примиреньем с ней.

По дороге из желтого кирпича
в желтой подводной лодке –
мы вернемся, в себе утопив печаль,
слив эту воду в легких...

Сквозь пальцы в глаза посмотрев жене,
погладив неловко дочку,
отчалил стать жестче, а стал нежней –
пять раз нежнел по годочку.

Но дорога из желтого кирпича
упирается в небо в пятнах...
Лодка всё не находит в глазах причал,
в объятиях необъятных.

Я спрятался – не видно, не найдешь.
Кормлю семью, боготворю пещеру.
Хотел вскричать: «Я здесь!», но только дрожь
бьет изнутри, от боли пасть и щерю.

Но только дождь... хор капель, шум и даль –
умеют акапелла, здесь я с ними.
Я замахнусь на время, кто бы дал
другую жизнь мне и другое имя.

Я только что еще тебя любил,
опутывая кровью и словами.
Но только дождь мне чувства все отбил,
и дрожь во мне и шевелит губами.

На развалы книг, на влажный улей
дождь свое желание кропит.
И сверкают все двенадцать стульев
искрами рогов или копыт.

Вспыхнет время, заискрится влага.
И не сбросить время с высоты.
На пятиэтажке нету флага,
что взобрались первыми коты.

С высоты прыжка, а не полета,
лет, идущих сквозь нестройный строй,
на развалы книг без переплета
брызжет дождь раздробленной струей.

И страсть, и страх толкаются во мне,
хватаются за долг, как за перила.
Как удержать энергию волне,
чтобы душа зависла, воспарила –

до разрушенья, до паденья на
засохший город – сердца мертвый сторож.
Но сдержанной энергии она –
даст вырваться любви – еще, еще раз

и ничего не следует менять...
Раскрашивая ярким цветом тени,
волна растет и требует меня.
И я в ее живородящей пене.

С двух сторон реки должна быть пристань.
Медленным течением воды
тянется кораблик Интуриста.
Речка и течет: туды-сюды.
Где же Леонид наш, Леонидас? –
Бросил всё? Цветущие сады?
Сине-черных глаз огонь не выдаст,
вспыхивающий от речной слюды.

Катер *едет и плывет* – (и так, и эдак) –
вверх и вниз по сгибам мятой дном фольги.
Он скрипит, дрожит, не оставляя следа,
но врезаясь в сердце глубоко. Не лги –
не был ты там и не видел, недо-
слышал, что кричали с корабля и кто кричал.
Солнце теплое, неяркое, как после обеда,
полное затмения, и вздыбленный причал.

Нас в небо подбросят? – Но птицы склюют на лету.
Нас в землю положат? – Воткнут корешком новой рощи.
Донатор придет присмотреть место лежки, плиту,
и пепла вдохнуть неосевшего. Туч серо-пыльные мощи –
на запад! Но где он для нас? Расплескался восток.
И таяньем снега смывает, но время не ропщет.
И бред бесконечный, не стрельчатый. Общий восторг –
нам косточки все перемоем, но прежде растопчет.
И мы не узнаем ни камня, ни вод, ни других похорон.
Клянусь, что на праздник деревьев придут старички-пионеры.
И сверху прольется «ура» – буду им покорен.
И нам самолетиком сил распоследних доставят и крови, и веры.

Не-
выговариваемое море

Того, кто выкрикнул: «Земля!» –
отправили на дно
кормить червей, давать угля
и верить: вот оно!

Кто крикнул: «Море!» – пожалел
оставшихся без слов.
Любви не знал, но бог велел
любить – я был готов!

...На берегу лиловый флаг,
песчаное сукно.
Я делаю случайный шаг
и падаю на дно.

Гоняюсь за медузой, за
убийцею китом.
Подводный выдаю пейзаж
за радостный потом.

И верю сам и всем велю –
солгать не приведи –
что никогда не отделию
я землю от воды.

Сначала – мы с тобой!
А дальше – как пойдет.
Возможно – без меня...
И море будет бить
под сердце – в левый борт,
бери право руля.

На берегу цветы
растекшихся медуз,
несдавшихся горгон.
В подносе отражен
пляж, краешек воды,
рассвет – зеленым льдом.

И где-то на песке
растаявшие мы,
но видим далеко:
как в спекшемся куске
земли и неба – смыт
наш след, и мы – никто.

Голова моя, ты набита тем же,
чем и в детстве мои игрушки.
Вата, всхлипнув, не видит, как плачет стружка.
Машут Джамбли*, плывя по Темзе.

Я – за ними. Нежно мы воду бреем...
Не сдавайте меня матросам,
не бросайте велико- и малороссам:
– О, я буду, я буду добрее!

«Север-тень-восток»* или четко – «север».
В голове – «Аврора», «Потемкин».
Предки – в печени. Не сказать – где потомки.
Глючит время, накрылся сервер.

Бузина напозаает, скандалит дядька.
А язык уводит далече.
Голова моя то болит, то лечит,
и в глазах адресок: "slava.com".

* Джамбли – персонажи стихотворения Э. Лира

* «Север-тень-восток» – направление (румб)

«Голова моя» – указание, что текст, подобно вате в игрушке, как и остальной абсурд (отсюда «Джамбли» – абсурдные персонажи стихотворения «Путешествие в страну Джамблей»), находится в голове самого автора. «О, я буду, я буду добрее!» – очередная строчка из «набивки» головы – строчка детского стихотворения К. Чуковского «Бармалей». «Бузина-дядька-язык» – так же своего рода "jumble" (путаница) – обыгрыш-смещение поговорок: «В огороде бузина, а в Киеве дядька» и «Язык до Киева доведет». «Джамбли, Темза, Аврора, Потемкин, "север-тень-восток"» – поддерживают на всем протяжении тему воды, текучести, «потока сознания» и впитанного страха-шаблона, которые замыкаются смысловым «коротким замыканием» – «глючит время, накрылся сервер» и «голова болит». Голова, которая болит, но и «лечит», спасает, и "slava.com" (Slava – собственное имя автора) – и предлагается как адрес для возможного спасения.

Ты говорила паром изо рта,
что ранена душа, что под глазами –
сугробы

и синева – то круг, а то черта –
волною поднимается; слезами
утробы

выносятся наружу что ни есть.
Есть то, что выгребли из вечности,
из часа –

весь шепот снега, световой наезд
и жидкой тьмы, отравленной для верности, –
нам чаша.

Облака – это просто парок над тобой:
так, дыхание застыло,
загустело крахмальной на вид пустотой
и толкает в затылок.

В боль мою помещаешься ты во весь рост,
не цепляя, не раня...
Что ее заживит – отвечай на вопрос –
без сомнений и прямо.

И не бойся, легонько касаясь плечом –
мне не больно... Легонько...
Можно спиртом зажженным, как синим лучом –
плавить неба клеенку.

Море плыло на волнорез.
Волнорезом и вышел остров.
Через тысячу лет воскрес,
будто первый его апостол.

Мы читали: «не прыгать» здесь,
ни с вершины горы, ни с пирса.
На вершине пологой – Зевс,
но закон дуракам не писан:

мы и прыгнули тыщу раз,
голышом ночью злили воду.
И «не прыгать» – его указ –
растворили в себе, как соду.

...Пепел стряхивал, водку пил,
и ревниво дивился... дядька.
Но лучи, будто слой белил,
клал на воду цветной раскладкой.

Даже если огонь,
а ты море –
мне так много воды не зажечь.
Чаек глупого ора
или внятную речь –

не унять,
чиркнув взглядом по скалам –
не лучом по стеклу, и – гори! –
если морем ты стала,
внутри.

Если молния стерла –
ты с огнем прекратила игру.
Неба синие стекла.
Я по синему
тру.

Ты лежишь – вся в каплях воды и пота!
Всё играет здесь на тебя.
Заходящим солнцем вполоборота
смотришь: кто к нам явился? – Я!

Или я – нестати? Таким манером
видишь больше, чем ймет глаз.
Длинноногой тенью, как землемером
отмеряя по морю нас.

Троллейбус спускается к морю,
к раздолью песка и воды.
Разбросаны камни апорий,
и тьма глубины впереди.

Мы только что вышли из чрева,
скатились по мокрым ногам.
И море, лежащее слева,
пугает сильнее по ночам.

Рванем по прямой, по наклонной,
уйдем в глубину с головой
дорожкой синей, зеленой,
подкрученной, будто кривой.

Не по морю плыву, а по луже.
Не летаю – скребу, как по дну.
Только ужас тебе мой и нужен,
только боль понимаешь одну.

Я отпускаю жизнь, опускаю
листик в текущую под наклоном
струйку, ее поджимают с краю –
она уже речкой, а листик – кленом.

А я все тем же – не обозленным,
третьим в компании Бома с Бимом.
А я все тем же – смешным, зеленым,
счастливым, любимым.

СОДЕРЖАНИЕ

СВЕТ ДРОЖАЩИЙ

«Там в сердце вине у дождя стекло, а не железо...»	7
«На том берегу и не знают о нас...»	8
«Ты по крупцам мне даришь ласку...»	9
«Любовь всё делает прозрачным...»	10
«Опять мне холодно и ясно...»	11
«Я был снегом, хотел быть хрустальным...»	12
«Ветер бросается на окно, весь сотрясая дом...»	14
«Дождь меряет температуру...»	15
«С балкона свешиваясь, с перил...»	16
«У меня есть свой сугроб – намело...»	18
«Злобствует снег...»	19
«Между снегом и солнцем – моргнешь раза два...»	20
«С зимой покончил – осталось море...»	21
«Смерть уже почувствовала запах...»	22
«Еще не смерть касается крылом...»	24
«Человек еще хотел бы жить...»	25
«Еще одна реальность в дверь стучит...»	26
«Там, в сердце вине у дождя – стекло, а не железо...»	27

Я ТАКОЕ СНИМАЮ КИНО

«Я такое снимаю кино...»	31
«Не мешай досматривать эпизод...»	32
«Зарычит “Метро-Голдвин-Майер”...»	33
«Чапай не тонул, и Анка стреляла мимо...»	34
«Недрожащей рукою ощупывал тело подруги...»	36
«Утро растянется до окончания дня...»	37
«В парке, в автобусе без колес...»	38
«Пахнет зубною пастой...»	39
«Вся стена в чешуе записок...»	40

«В новой версии рая и ада...»	41
«В волосах твоих ветер и капли воды...»	42
«Я хотел бы другую...»	44
«Другая б уже надоела...»	45
«Девушка легкая тугая...»	46
«А я всю ночь тебя любил...»	48
«Зима. И заниматься сексом холодно!...»	49
«От дождя расширены зрачки...»	50
«Не надо нас пугать и нами...»	51
«Луну схватить за кончик языка...»	52
«Как ты можешь не чувствовать ран...»	53
«Я хочу самых горячих точек в тебе коснуться...»	54

СТИХИ СРЕДНЕЙ ПОЛОСЫ

«Деревья тянут руки-ветки...»	59
«Светятся в небе герои...»	60
«Я прячусь от погоды и вины...»	61
«С четырьмя пальцами вместо пяти...»	62
«Свинья желудка – “жрать!” – верещит...»	63
«Высок твой лоб и круто богом слеплен...»	64
«Я гном, с фонариком – под юбку...»	66
«Если идти вдоль берега по течению реки...»	68
«И день не мой, и ночь не моя...»	69
«По дороге из желтого кирпича...»	70
«Я спрятался – не видно, не найдешь...»	72
«На развалы книг, на влажный улей...»	73
«И страсть, и страх толкаются во мне...»	74
«С двух сторон реки должна быть пристань...»	75
«Нас в небо подбросят? – Но птицы склюют на лету...»	76

НЕВЫГОВАРИВАЕМОЕ МОРЕ

«Того, кто выкрикнул: “Земля!”»	81
«Сначала – мы с тобой!..»	82
«Голова моя, ты набита тем же...»	83
«Ты говорила паром изо рта...»	84
«Облака – это просто парок над тобой...»	85
«Море плыло на волнорез...»	86
«Даже если огонь...»	87
«Ты лежишь – вся в каплях воды и пота!»	88
«Троллейбус спускается к морю...»	90
«Не по морю плыву, а по луже...»	91
«Я отпускаю жизнь, опускаю...»	92

Сборники стихотворений автора:

- «По дороге со всеми» (1989, Киев)
- «Время ожидаемого» (1989, Киев)
- «Отчасти» (1990, Киев)
- «Видения» (1990, Киев)
- «288 искр» (1991, Киев)
- «Приступ ночи» (1996, Иерусалим)
- «Южный ветер, белый огонь» (1997, Иерусалим)
- «Оптимизм дневного света» (2001, СПб)
- «Игры слез» (2004, СПб)
- «Winter man» (2008, СПб)
- «Блуждающие сны» (2012, Киев)
- «Точка с божьей коровки» (2014, Москва)

Изяслав Михайлович Винтерман

ТАМВСЕРДЦЕВИНЕ
Стихотворения

Email: slava.winterman@gmail.com

LJ: <http://winterman.livejournal.com>

FB: <http://www.facebook.com/slava.winterman>

P.O.B. 27646, Jerusalem 91276, Israel, Izyaslav Winterman

